

КОММУНИКАНТЫ В РЕЧЕВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ЭПИСТОЛЯРИЯCOMMUNICANTS IN THE SPEECH
ORGANIZATION OF PRIVATE LETTERS

Статья посвящена эпистолярной коммуникации. На примере писем русских классиков (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова) рассматривается эпистолярное **я** в речевой организации частного письма. Особенность эпистолярной коммуникации заключается в том, что субъект речи и автор совпадают; конвертируемость автора и читателя обнаруживается в обратимости процесса, когда **я** становится **ты** в речи кого-то, кто, в свою очередь, обозначает себя как **я**, т.е. соблюдается диалогическое условие, определяющее лицо. Другой характерной особенностью эпистолярного **я** является открытость авторской интенции, выраженной в призывах к реальному собеседнику.

Ключевые слова: эпистолярный текст, авторское **я**, эпистолярная коммуникация, иллокуция, личные местоимения, авторские номинации.

The article is devoted to the epistolary communications. By the examples of Russian classics' letters (A. Pushkin, L. Tolstoy, I. Turgenev, A. Chekhov), the epistolary **I** in speech organization of private letters is considered. The peculiarity of the epistolary communications is that the subject of speech and the author are the same; the convertibility of the author and the reader is found in the reversibility of process, when **I** becomes **YOU** in the speech of someone who, in turn, designates himself as **I**, i.e. the dialogical condition that determines the person, is kept. The another characteristic feature of epistolary **I** is the openness of author's intentions expressed in calling for a real interlocutor.

Keywords: epistolary text, author's **I**, epistolary communication, illocutions, personal pronouns, author's nomination.

Частное письмо, будучи перволичным повествованием, обращенным к определенному лицу, связано с категориями автора и читателя, этих двух полюсов коммуникативной деятельности. «Традиционно модель диалога представлена в виде: S → текст → O, где S – автор-отправитель сообщения (текста), а O – читатель-получатель этого сообщения. Такой подход лишь в общих чертах отражает однонаправленность текстовой

¹ Доктор филологических наук, доцент, профессор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАН-ХиГ).

© Ковалева Н.А., 2017.

² Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и издательского дела АНО ВО «Российский новый университет».

© Приорова И.В., 2017.

коммуникации в понятиях *кто, что, кому*» [1, с. 252]. Однонаправленность текстовой коммуникации свойственна произведениям разного литературного рода, вида и жанра [2] и, в частности, литературному письму. Письмо, являясь адресованным посланием, отражает двустороннее взаимодействие автора и читателя. Автор письма – источник коммуникативной деятельности – связан с читателем – потребителем текста, которому направлена познавательная и эмоционально-модусная деятельность. В эпистолярной возникает двоичность объекта, где читатель является фигурой восприятия авторского послания и одновременно «ответной» личностью.

Частная переписка отражает движение когниции и эмоции между двумя коммуникантами эпистолярной деятельности, что нередко выра-

жается в речевых стереотипах, которые «несут в тексте письма особую прагматическую функцию: обладая характером формулы, обращения и подписи, они выполняют функцию экономии языковых средств и облегчают эмотивно-оценочный статус общения» [3, с. 231]. Если автор письма обладает гносеологической и коммуникативной деятельностью, которая представляет субъектную действительность в формах ее мыслительной деятельности (бессознательной, эмотивной, интеллектуальной и др.), то читатель письма, активно воспринимая авторскую мысль, обладает индивидуально-личностным пониманием текста. Специфика двустороннего общения в эпистолярной деятельности заключается в личной когнитивной и эмотивной адресованности. Последняя определяет интенции, структуру, содержание и экспрессию средств выражения. *Я* и *ты/Вы* в речевой организации письма обладают специализированной значимостью по сравнению с художественно-речевыми произведениями (рассказ, повесть, роман, очерк, репортаж и т.д.).

Эпистолярное *Я* характеризуется тем, что автор – это открытый субъект речи, непосредственно обращенный к своему читателю. Эпистолярное *Я* сближается с публицистическим создателем речи, но отличается от литературного *Я*, где субъект речи и автор не совпадают. Эпистолярная коммуникация характеризуется конвертируемостью автора и читателя. Отвечая на письмо, читатель попадает в позицию субъекта речи, который излагает свой взгляд на полученное сообщение. Обратимость *я – ты/Вы* отражает как допустимость различных интерпретаций факта, так и установление пассионарного режима общения. «*Я* могу употребить *я* только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как *ты*. Подобное диалогическое условие и определяет *лицо*, ибо оно предполагает такой обратимый процесс, когда *я* становлюсь *ты* в речи кого-то, кто в свою очередь обозначает себя как *я*» [4, с. 294].

Другой характерной особенностью эпистолярного *Я* является открытость авторской интенции, выраженная в иллокуциях – призывах к реальному собеседнику. Позиция создателя речи реализует различные установочные функции: информативность побуждения, просьбу, пожелание, совет, мнение, обязательство, извинение и т.п., которые обладают этикетом речевых стереотипов: приветствие и прощание, введение сообщения, просьбы, резюмирующий итог и т.д.

Форма речи от 1-го лица изначально, и диалогическое единство *Я – ты/Вы/вы* является

экспликацией общения. Субъектность эпистолярного *Я* является непосредственным отражением его автореферентности и одновременно реальной референтности собеседника речи. «Язык представляет в некотором роде “пустые” формы, которые каждый говорящий в процессе речи присваивает себе и применяет к своему собственному “лицу”, определяя одновременно самого себя как *я*, а партнера как *ты*. Акт речи в каждый данный момент, таким образом, является производной от всех координат, определяющих субъект...» [4, с. 297].

См. употребление личных местоимений: «Сейчас узнаю, что *ты* (здесь и далее *курсив форм личных местоимений наш.* – Н.К., И.П.) ко *мне* написал, но письмо твое до *меня* не дошло, дай бог, чтоб новый Никита им воспользовался! *Я* чрезвычайно за *тебя* беспокоюсь; не сказал ли *ты* чего-нибудь лишнего или необдуманного; участие дружбы можно перетолковать в другую сторону – а *я* боюсь быть причиной неприятностей для лучших из друзей моих» (А.С. Пушкин А.А. Дельвигу, 23 июля 1825 г.).

Ср. в письмах А.П. Чехова: «*Я* теперь в Венеции, куда приехал третьего дня из Вены. Одно могу сказать: замечательнее Венеции *я* в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни <...> А в храмах скульптура и живопись, какие *нам* и во сне не снились. Одним словом, очарование» (А.П. Чехов И.П. Чехову, 24 марта 1891 г.).

В письмах классиков русской литературы авторское *Я* обладает устойчивой субъектной и объектной позициями, раскрывающими обратимость и консенсус диалогов – «точек общего схода» (Чехов).

Ср. конструктивное назначение местоименных форм в письмах художников слова: «Спасибо за письмо и за присланный № “Колокола”, любезнейший А.И. В беседе “С того света” *я* узнал особую, *тебе* свойственную манеру, и хотя *я* сам принадлежу к охрипшим тенорам, однако перечел все с истинным удовольствием. *Сам* – “обломок корабля”, как говорит Эдип, а *ничего*, сочувствую, когда возводят *мою* дряхлую древесину в “перл создания”.

Я готов *тебе* услужить, но лень *мною* овладела сильная, да и *ты* требуешь многого в немногих словах: описать общество старое и молодое, да еще с трех точек зрения! Постараюсь *что-нибудь* высидеть, может, впрок пойдет» (И.С. Тургенев А.И. Герцену, 4 июня/23 мая 1867 г.).

«*Вы* говорите, что *я* не знаю России. Нет, знаю *свою* субъективную Россию, глядя на нее

с *своей* призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для *вас* и для *меня*, то это тоже доказательство, что *мы* уже надуваем новый пузырь, который еще *сами* не видим. И этот пузырь есть для *меня* твердое и ясное знание *моей* России, такое же ясное, как знание России Рылеева может быть в 25 году. *Нам*, людям практическим, нельзя жить без *этого* <...>

Кроме общего интереса, *вы* не можете *себе* представить, как *мне* интересны *все* сведения о декабристах в «Полярной звезде». Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист» (Л.Н. Толстой А.И. Герцену, 14/26 марта 1861 г.).

«Посылаю *Вам* большое спасибо, уважаемый Владимир Галактионович, за книгу, которую я получил и теперь вновь перечитываю. Так как *мои* книги у *Вас* уже есть, то *мне* поневоле приходится ограничиться посылкой одного только спасибо.

Кстати, чтобы письмо вышло не совсем коротко, скажу *Вам*, что я чрезвычайно рад, что познакомился с *Вами*. Говорю я это искренно и от чистого сердца. Во-первых, я глубоко ценю и люблю *Ваш* талант; он дорог для *меня* по многим причинам. Во-вторых, мне кажется, что если я и *Вы* проживем на этом свете еще лет 10–20, то *нам* с *Вами* в будущем не обойтись без точек общего схода» (А.П. Чехов В.Г. Короленко, 17 октября 1887 г.).

Авторская позиция наиболее устойчива в письмах Л.Н. Толстого, где Я открыто своему читателю в форме прямой констатации независимо от иллюкутивных устремлений, тематики письма и отношения к своему собеседнику.

См. типичную иллюстрацию: «Простите *меня*, любезный друг Афанасий Афанасьевич, за то, что долго не отвечал *вам* <...> Хозяйство мое идет хорошо, то есть мало тревожит *меня*, – все, что я от него требую. Вот все про *меня*. На *ваш* вопрос упомянуть о Ясной Поляне – школе, я отвечаю отрицательно. Хотя *ваши* доводы и справедливы, но про *нее* («Ясная поляна» – журнал) забыли, и *мне* не хочется напоминать, не потому чтобы я отрекался от выраженного там, но, напротив, потому, что не перестаю думать об этом <...> Последнее время я *своими* делами доволен, но общий ход дел, то есть предстоящее народное бедствие голода с каждым днем мучает *меня* больше и больше. Так странно и даже хорошо и страшно. У *нас* за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые *наши* дамы в кисейных платьях рады, что жарко и тень, а там этот злой черт голод делает уже *свое* дело,

покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыты скотины...» (Л.Н. Толстой А.А. Фету, 16 мая 1865 г.).

Принципиальность своего мнения по любому обсуждаемому вопросу, недвусмысленное изложение точки зрения, высокая мораль и ответственность проповеди составляют значительную часть писем Л.Н. Толстого.

Включенность в авторское Я читательского *ты* находит свое выражение в личных и притяжательно-личных местоименных формах и выступает в своей инклюзивной функции – происходит объединение решений, мнений, действий одной и той же событийности:

«Письмо *твое* от 19-го крепко *меня* опечалило. Опять хандришь <...> Но жизнь все еще богата; *мы* встретим еще новых знакомцев, новые созреют *нам* друзья, дочь у *тебя* будет расти, вырастет невестой, *мы* будем старые хрычи, жены *наши* – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята...» (А.С. Пушкин П.А. Плетневу, 22 июля 1831 г.).

«Я давно собирался затеять с *Вами* хотя письменное знакомство, любезный Лев Николаевич <...> *Ваше* назначение – быть литератором, художником мысли и слова <...> Повторяю *Вам* – *Ваше* орудие – перо, а не сабля, а музы не только не терпят суеты – но и ревнивы. *Мне* кажется, *мы* бы сошлись – и наговорились вдоволь – и может быть, *наше* знакомство не было бы бесполезным для обоих...» (И.С. Тургенев Л.Н. Толстому, 3 октября 1855 г.).

Для Л.Н. Толстого и А.П. Чехова характерна определенная дистанцированность при обсуждении литературных, культурных и социальных вопросов. Инклюзивное *мы* чаще относится к отчужденной сфере повествования – это и события, и публикации, и нравы, и комментарии и др. Повествовательными формами в этом случае являются указательные, относительные и неопределенно-личные местоименные формы.

См.: «Не надо унывать, дорогой Сергей Терентьевич. Уж как крепок лед и как скрыта земля снегом, а придет весна, и все рухнет. Так и *тот*, застывший, как будто и не движущийся строй жизни, который сковал *нас*. Но *это* только кажется» (Л.Н. Толстой С.Т. Семенову, 22 марта 1897 г.).

«Ваша защита – прелесть, помогай вам бог так учить людей. Какая ясность, простота, сила и мягкость. Спасибо *тем*, кто вызвал эту статью. Пожалуйста, пришлите мне сколько можно этих номеров» (Л.Н. Толстой Н.С. Лескову, 20–21 января 1891 г.).

Ср. в письмах А.П. Чехова: «Секретарь общества любителей словесности, изображавший собою на панихиде Общество, во все время панихиды вел оживленные разговоры и дебаты о *чем-то*; сама же панихида, с точки зрения “народа”, ради *которого* она служилась, была неказистой: пели даровые певчие, служил один священник и не горели паникадила... Все эти мелочи, но слишком заметные для *тех*, у *кого* внешность играет важную роль во всем, а *таких* людей у нас ведь большинство...» (А.П. Чехов Н.А. Лейкину, 26 января 1887 г.).

Контекстная стилистика авторского Я и читательского *ты* сопряжена с эстетическими задачами, при которых именование первого лица заменено ресурсами третьеличного изложения. Под пером мастера слова идентифицирующая позиция субъекта и апеллирующая позиция к непосредственному участнику речевого акта служат не только для выражения интерперсональных отношений в эпистолярной коммуникации, но и определяют смысловые отношения, складывающиеся между личностным именованием и авторской номинацией своего Я.

Замена авторского Я третьеличной семейной номинацией может выполнять прямую интродуктивную функцию именованного, обозначая фамильную принадлежность автора:

«*Александр Пушкин* сердечно благодарит Игнатия Семеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренно сожалея, что не имел счастья познакомиться с почтенным хозяином» (А.С. Пушкин И.С. Деспоту-Зеновичу, 8 августа 1824 г.).

Однако фамильная номинация может иметь дополнительные оценочные функции, которые приобретают текстовые характеристики с метафорической семантикой. Последнюю могут создавать номинации предикатного (характеризующего) типа, выступающие в своей собственной и определительной функциях. Такая стилизация создает шутивно-юмористическую игру при обозначении реального лица.

«На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребяташки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбудоражил, он к ним прибежал: дети! дети! мать вас обманывает – не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет *Пушкин* – он весь *сахарный*, а зад его *яблочный*; его разрежут, и всем вам будет по кусочку – дети разревелись; не хотим черносливу, хотим *Пушкина*. Нечего делать – их повезли, и они сбежались ко

мне облизываясь – но, увидев, что я не *сахарный*, а *кожаный*, совсем опешили» (А.С. Пушкин А.А. Дельвигу, ноябрь 1828 г.).

Замена имени собственного может быть представлена предикатной персонажной идентификацией, которая отражает косвенность именованного: перифраза является своеобразным номинативным эпитетом, образно-экспрессивной квалификацией авторского Я.

В речевой структуре пушкинского письма экзистенциальность номинации характеризует словесный портрет и приобретает за счет заместительного именованного оценочно-эмоциональную тональность своего обозначения.

Пушкинская традиция замены именованного сохраняется и в эпистолярных других классиков русской литературы. Так, например, И.С. Тургенев в письме к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову от 8 сентября 1840 г. начинает эпистолярное повествование в традиционной стилистике – субъектным авторским Я, но смена точек зрения приводит к нарушению личностного режима изложения. Художник слова использует предикатную номинацию, выполняющую идентифицирующую роль: читателям письма становится понятной отнесенность имени к адресанту.

Романный стиль повествования, характерный для И.С. Тургенева, нашел свое выражение в хронопном эпистолярном описании: «Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев! Вообрази себе – в начале января скачет *человек* в кибитке по снегам России. В нем едва началось брожение, – его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно задумчив <...> *Молодой человек* остается десять дней в жирной столице Австрии и приезжает в Италию в Рим. В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет, начало развития моей души...» Рамочное Я легко обнаруживает идентификацию субъекта Я – *человек, молодой человек*.

А.П. Чехов широко использует номинации предикатного характера как в позиции обращения, так и собственного именованного. Замена модифицирует смысл имени, выражает в апеллативе отношение к адресату, приобретает яркую субъектную эмоционально-оценочную значимость. Выбор апеллативной номинации регулируется личностными отношениями коммуникантов письма, а само обращение можно рассматривать как «прагматическую заставку». В письмах к брату Ал. П. Чехову писатель использует широкий реестр юмористического номинирования подписи и обращения: «Ну полно, *таможенно-карантинный человек*, к чему такие сильные выражения? <...> Кланяюсь. Твой

А. Чехов» (6 апреля 1886 г.); «Ну, милейший Гусев, все, наконец, улеглось, рассеялось, и я по-прежнему сижу за своим столом и со спокойным духом сочиняю рассказы. Ты не можешь себе представить, что было! <...> Твой Шиллер Шекспирович Гете» (24 ноября 1887 г.); «Любезный Никанор Гаврилович! <...> Твой благодетель А. Чехов» (17 января 1887 г.).

Эпистолярное Я отражает истинную сущность субъектности, которая принадлежит самому человеку. Природа диалога, лежащего в основе исторического развития языка, находит соответствующую орудийность коммуникации в особом классе личных местоимений, которые вне эпистолярия не обозначают никакой лексической сущности.

Литература

1. Диброва Е.И. Категории художественного текста // Семантика языковых единиц : сб. статей / под ред. Е.И. Дибровой. – М., 1998. – Т. 2. – С. 250–257.
2. Приорова И.В., Бичарова М.М., Дудникова М.В. Зависимость «своей» социальной рекламы от «чужой» свободы восприятия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3 (36). – С. 246–254.
3. Ковалева Н.А. Речевые стереотипы эпистолярного текста // Текст. Структура и семантика : доклады VIII Международной конференции МГОПУ им. М.А. Шолохова. – М., 2001. – С. 231–240.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. – Благовещенск, 1998. – 447 с.